

Этим летом скончался бывший преподаватель Нижегородского техникума транспортного обслуживания и сервиса Сергей Борисович Шамарин. Первый раз моя встреча с ним произошла в 2015 году. В том

году я только начинал работать преподавателем. Наше знакомство с ним продолжалось долго. Первое время, мне казалось, он не совсем признавал меня, тогдашнего молодого преподавателя. Ведь они тогда были мэтры – он и еще один преподаватель Владимир Александрович Ветюгов. Учащиеся их боялись. Боялись и уважали. Первое время я даже их путал между собой. Оба были метра под два ростом и здоровые, килограммов под сто. Почти всегда их можно было встретить на первом этаже техникума. Там были аудитории, закрепленные за ними. Постоянно там мелькали их фигуры среди студентов.

Аудитория Сергея Борисовича имела номер 12а. Это была обычная аудитория. Обычная для того техникума. Как и почти во всех аудиториях первого этажа, там было очень холодно зимой. Для информатики и математики, которые я тогда вел, эта аудитория была приспособлена мало. Из-за того, что было холодно, Сергей Борисович надевал под свой желтый пиджак свитер и из-за этого становился еще крупнее. Но, я думаю, ему было не привыкать. Он, как и большинство мастеров, вышедших еще из советских времен, умел работать в том холоде. Когда-то он учился в железнодорожном техникуме и, наверно, ремонтировал тепловозы и вагоны в таких же не слишком теплых ремзонах. Как тут говорить о повышенных требованиях к температуре и чистоте? Ему это не было нужно. Следует отметить, что Сергей Борисович, в основном, был в последние годы мастером, а не преподавателем. Разница заключается в том, что преподаватель ведет уроки, а мастер контролирует свою группу в процессе учебного дня. За ним с 2016 года была закреплена группа ТЭПС-16 (Техническая эксплуатация подвижного состава железных дорог). Окончание в названии группы означало год поступления учащихся в техникум. Но почему-то так получилось в том году, что Сергей Борисович взял

шефство над ними не с первого сентября, а несколько позже. До этого эту группу курировала преподаватель русского языка и литературы Мария Антипина. Почему так произошло, мне неизвестно.

В его аудитории 12а, в которой мне часто приходилось проводить свои уроки, была дверь, ведущая во внутренний кабинет. В нем Сергей Борисович, в основном, и работал. Рабочий день, как и у всех мастеров тогда, был с восьми утра и до четырнадцати часов дня. И, помню, часто в районе двух часов мне приходилось видеть Сергея Борисовича, в своем длинном черном пальто выходящего из своего маленького кабинета и идущего к выходу через аудиторию. Выходил он всегда грузно и не спеша. И так же грузно и не спеша прощался со мной.

Часто мне приходилось слышать, как он в своем кабинете звонил учащимся своей группы. Некоторые нарушали дисциплину, не ходили на занятия. И Сергей Борисович пытался их вразумить. Разговор часто шел на повышенных тонах, проскальзывали и нецензурные слова. Ну а что сделаешь? Такая была работа мастера – целый день контролировать учащихся!

Его кабинет был очень маленьким. На небольшом столе стоял ноутбук, который Сергей Борисович использовал в качестве музыкального центра и слушал песни, по жанру ближе к шансону. Ноутбук был с дефектом: на экране было несколько параллельных линий. Рядом над столом, за которым он сидел, висел православный календарь с изображением святой. Однажды как-то на совещании я увидел, что на заставке его телефона установлена икона. Меня тогда это смутило – какая-то необычная сочетаемость. Как может мужик, работая руками, работая инструментом, иногда ругающийся матом, так верить? И верить так утонченно! А это возможно. И было именно так.

Первое время, как я только туда устроился, как я уже говорил выше, мне казалось, что он не совсем признавал меня. И видел первое время я его тоже довольно редко. Моя аудитория находилась на третьем этаже, мы с ним почти не пересекались. Лишь позже, когда я стал преподавать математику и стал бывать в его кабинете 12а, мы познакомились ближе.

Тогда он, я помню, попросил меня найти ему песни в его любимом жанре и записать на диск. И мы долго тогда с ним сидели. Он их выискивал, выбирал лучшие, оценивал их размер, соотносил, уберутся ли они на диск, а я их записывал. В другой раз он пришел, чтобы разместить на Avito объявление о продаже своей лодки, на которой он плавал по реке Ветлуга, и мы с ним начали разговаривать о машинах. Долго спорили о машинах марки Volvo. Он считал, что они самые лучшие, потому что в них двигатель в том случае, если машина попадает в аварию, сползает с полозьев, на которых держится, и не попадает в салон. А в других машинах, по его мнению, двигатель продавливается в салон и человек погибает. Я относился к его мнению скептически.

Однажды в какой-то из дней Сергей Борисович при очередной нашей встречи рассказал о том, как он с друзьями ехал из Узбекистана на «копейке», у которой была полностью «лысая» резина. Рассказывал он об этом, вспоминал свою молодость и сам себе задавал вопрос: «Как же так? Ничего не боялся. Никто нас не останавливал».

К администрации техникума Сергей Борисович относился, четко позиционируя себя. Помню, как на одном из совещаний он чуть отвлёкся, а в этот момент произносил свой монолог директор В. Давыдов. Увидев это, директор, имея свои особые манеры, сделал ему замечание с гонором и заносчивостью: «...встанете на мое место?» Но Сергей Борисович ответил: «Можно!» Директор не мог, конечно же, это оставить без реакции и сказал ему: «Поздно, Сергей Борисович!» В этих словах чувствовались злорадство и ехидство. Но не каждый бы смог так ответить, как ответил Сергей Борисович. Да, он знал свою цену.

Вспоминая эти совещания, а они проходили раз в неделю (это минимум, были и чаще) у меня опять предстала перед глазами картина, как Сергей Борисович ругается, что кто-то занял его место. У него было свое место на совещаниях. Четвертая парта, ближе к двери. И никто туда не садился.

Его день рождения было в двадцатых числах декабря (точное число не помню). В это время текут самые короткие дни года. В свой день рождения он однажды принес лимон. Меня он попросил не

проводить урок тогда в его аудитории. Я понимал, что значит этот лимон в его руке. Это значит, что сейчас он накроет стол, наверняка будет и ... . И где-то часов в пять вечера Сергей Борисович наденет свое длинное черное пальто и тяжело и грузно пойдет к себе домой.

Каждый раз, когда заканчивался учебный год, он хотел уйти. Чтобы уже больше не учить ребят. Не было большой поддержки. Администрация с большим трудом выделяла инструменты и материалы, чтобы учащиеся могли работать на практиках. Сам он, как он сам мне говорил, не переносил заместителя директора по учебно-производственной работе Н. Давыдову.

В этом году он ушел навсегда. Наверняка сейчас в его маленьком кабинете все иначе. Вместе с ним еще дальше та эпоха, в которой много советского. Эпоха уважения к мастерам и преподавателям; эпоха, когда учащиеся не имели привычку писать гнусные жалобы, пытаясь заработать свое дешевое самоутверждение. Эпоха натурального человека. Каким и был Сергей Борисович.